

Проституция в движении – Нагасаки-Владивосток-Пекин: С перспективы японского литератора

Часто говорится, что проституция – самый старый вид профессии. Это явная неправда, так как проституция – это вид торговли и в этом качестве может производиться только при наличии денежной экономики: она историческое явление, не совсем универсальное.

Все равно, к сожалению, она была одним из самых старых, распространенных видов профессий в русско-японском отношениях.

По книге «Кита но караюки сан (японские проститутки за границей на севере)», автор, Курахаси, пишет, что, вопреки общепринятой идеи, *караюки-сан* на самом деле больше было в Сибири, в Приморье, и в Маньчжурии при влиянии России, чем в юговосточной Азии. Кстати, большинство из них приехали из Нагасаки, где так и уже работали «проститутки» для иностранцев, как Окику-сан Путини.

По статистике от 1884 г., которые цитирует Курахаси, во Владивостоке зарегистрированы были 4,191 русских мужчин, 818 русских женщин, 46 европейцев, 14 европеек, 119 японцев, 276 японок, 3,016 китайцев, 3 китайки, 347 корейцев, 7 кореянок. Курахаси полагает, что большинство из этих японок было проститутками.

Таким образом, японские девушки были очень знакомы жителям в восточной части России, в отличие от россиянок в европейской части, для которых их представления остались книжными и, по этому, ориенталистическими.

Но и для русских, имеющих настоящую связь с японками-проститутками, их образы частично были текстовыми и изобразительными. Например, Футурист поэт из Владивостока, Венедикт Март, опубликовал то, что он называет «переводом рассказа еврейского писателя», под названием «мусумэ». А в письме сыну 1929 г. поэт пишет, что он «послал в Ленинград в журнал «Юнный пролетарий», рассказ к международному женскому дню «Обманутая Кики». Этот рассказ мы пока не смогли обнаружить, но, по всей вероятности, это адаптация романа Пьера Лоти «Окику», в котором *гэйша* называется *мусумэ*. Владивостокцы, так же как москвичи и петербуржцы, лучше знали японских проституток-*гэйшей* через литературные тексты, чем через повседневные контакты.

Как известно от статистических данных, на которых я сослался раньше, японок-проституток, работающих в России и в Маньчжурии, было намного больше, чем кореянок и китайки. Курахаси объясняет это тем, что в Японии тогда уже существовало сравнительно более развитое товарное хозяйство. Надо добавить еще один момент о том, что при самурайском периоде в Японии была крайне развита

система проституции. Конечно, это развитие тоже можно объяснить развитием товарного хозяйства, но были еще культурные, исторические факторы, о которых теперь времени не хватает рассказывать. В крупных городах в Японии в 17-19 вв. весьма развита была проституция; веселые кварталы были центрами культуры.

При самурайском режиме, женщины разделялись на две категории: на *дзионна*, «обыкновенных женщин», т.е. жены, и на *юджэ*, куртизанок. По идее, мужчины женились на *дзионна*, которые родят, но к ним любовного чувства не должно быть. Так называемую «любовь», или, «иро», можно найти только в рамке веселых кварталов

В японскую культуру ввели новую европейскую концепцию любви только к концу девятнадцатого века. То, что японские литераторы читали в европейских литературах и философиях, касающихся «любви», так сильно отличалось от традиционной концепции «любви», что они решили создать нелогизм «рэнъай», который переводит английское слово “love” и который в настоящее время распространено употребляется. Широко известна начальная фраза статьи поэта-критика, Китамура Тококу, «Поэт-пессимист и женщина», в которой автор пишет: -- «Любовь – это ключ к тайнам жизни». Эта фраза произвела огромное впечатление на современных литераторов. Писатель, Киносита Наое, пишет: -- «Прочитав эту фразу, я чувствовал, как будто меня выстрелили из пышки». Такое впечатление производилось, потому что европейская концепция любви, с которой японская интеллигенция познакомилась после мэйдзиского реформа, совершенно отличалась от японской, дореформационной идеологии любви.

Хотя в середине эдоского периода, в вершине культуры, в эпохе Гэнроку, найдется идеализация любви, так например, в пьесах Тикамацу Мондзаэмон, основное понятие о «иро» подчеркивало, что любовную связь в веселых кварталах все-равно нужно считать игрой, и слишком ей предаться думалось некруто, любительски, и, следовательно, нежелательно. Такое понятие намного укрепилось к концу токугавского периода, в эпохах Бунка и Бунсэй, когда центр проституции перешел от токийских веселых кварталов, Ёсивара, в район, Фукагава, где жили и работали *гэйши*. Самые популярные темы литературы в эти эпохи – эротические связи между клиентами-жиголо и *гэйшами*, что составляли основные знание о любви литераторов в начале пост-реформационного периода. Объявление романтического поэта, Китамура Тококу, о том, что «любовь – это тайный ключ к секретам жизни», т.е. «любовь – весь смысл жизни», звучало для литературной молодежи удивительно и непонятно.

Новый образ полового отношения выражался в эссе, стихотворениях, и романах

нового периода. В романе, «Плывущее облако» Фтабатэй Симэя, опубликованном 1887-1889 гг., который считается первым современным романом в Японии, тоже изображается новая идея любви. Герой ожидает признания любви от героини, он хочет слышать от нее, что он – самый важный в ее жизни. А героиня признается, что самое важное для ее жизни – это «правда». Герой расстраивается, но в то же время больше влюбляется в нее, убедившись в ее нравственном, честном характере. Они оба объявляют, что любовь в новой эре должна основаться на уважении друг к другу, она должна вести к совершенствованию каких-либо высоких идеалов, и что женщины новой эры самостоятельные и умные и не простые объекты мужской похоти, как *гэйши*.

Автор этого романа, Фтабатэй Симэй, кто был и прекрасным переводчиком русской литературы, был слишком большим идеалистом, взыскательным к себе человеком, что, будучи недоволен своим собственным произведением, он бросил свою литературную карьеру, перестал писать романы, и стал работать в редакторстве государственной газеты.

Эта работа, кажется, была удовлетворительна для него, потому что она была связана с «исследованием настоящей жизни», о котором он всегда мечтал. Фтабатэя мучала самурайская идея о том, что литература – не настоящая мужская работа. Он всегда питал мечту заниматься «настоящими делами», под которым он имел в виду, так например, военную деятельность в Маньчжурии. На самом деле он начал изучать русский язык, чтобы заниматься таким делами против России, чья сила, по его мнению, угрожала Японии больше, чем другие европейские державы.

Примерно через десять лет после того, как он бросил литературную карьеру, он получил возможность посещать зону влияния России в Маньчжурии, с целью, видимо, разведывательной деятельности. Его нанял хозяин владивостокского и харбинского торгового дома, Токунага, в качестве консультанта. При этом очень удивительно, что бывший писатель бросил и свою европейскую концепцию любви, которую он так четко выражал в своем первом романе.

Дело в том, что при этой командировке у него был крайне оригинальный план, который он называл «планом вывоза проституток, или женщин, занимающихся грязными делами (*сэгёфу юсюцу рон*)». До того, как он отправился в Россию, он всем гостям рассказывал этот план. По его мнению, японские проститутки оказывают большое влияние на быт и образ мыслей русских солдат, которые имеют дела с ними. Например, они теперь очень любят *кацуо-буси*, сушеных бонитов. Деятельность японских проституток, мол, таким образом, ведет к повышению вывоза японских товаров и к улучшению взаимно-понятия обоих народов. И

писатель объявил, что, если он найдет спонсора, он откроет дом терпимости во Владивостоке.

Он средства не нашел, и план не сбился. Но его интерес к проституткам остался живым. После Владивостока он немного жил в Харбине и в конце концов переселился в Пекине. По его мемуарам он удачно получил там важную информацию от русского офицера через японскую проститутку, работающую в Пекине.

Поворот убеждений, касающихся любви, у Фтабатэя Симэя сложно понимать и у меня теперь не хватает времени пытаться объяснять подробно. Достаточно упоминать о том, что после первого романа, где он выражал свою веру в европейской, современной концепции любви, он постепенно возвращался к дореформационной, японской любовной идеологии. После возврата из России, уже к концу его жизни, Фтабатэй снова написал еще два романа: «Его облик» в 1906 г. и «Обыкновенный человек» в 1907 г.. В романе «Его облик» героиня – женщина с японскими «традиционными» достоинствами, она влюбляется в ее зятя, т.е. героя, и предлагает ему *синдзю*, самоубийство поговору, что было способом смерти, популярным в веселых кварталах. В романе «Обыкновенный человек» герой размышляет о том, как лучше приставать к дочери хозяина дома, в котором он арендует комнату, на основе того, что он читал и изучал в жанре токугавской, эротической литературы, *ниндзобон*, в котором как правило изображалось отношение между клиентами и *гейшами*.

В 1908 г. Фтабатэй стал корреспондентом газеты Асахи и начал жить в Санкт-Петербурге. По его дневнику известно, что у него были русские любовницы-содержанки. С одной из них, Ж. (как пишется в дневнике), он, видимо, были особо близок. Такое спокойное отношение к женщинам за счет тоже совсем противоречит его бывшим энтузиазму в европейской, романтической любви и приближает его к токугавской любовной концепции.

В этом отношении интересно обращать внимание на очень резкую реакцию Фтабатэя на повесть Льва Толстого «Крейцерова соната», который он показывает в романе «Обыкновенный человек». Роман «Обыкновенный человек» можно считать ответом своего рода на повесть Толстого и принцип честности, который русский писатель выдвигал в нее.

В повести «Крейцерова соната» Толстой объявил, что любой вид полового акта грешен. Он рассуждает, что даже секс в рамке брака – тоже грех, что очевидно в евангелии, и что брачная система и образы «поэтической, повышенной, нравственной любви», которые читаем в стихотворениях и романтических историях

– это все обман, из-за которого отказываются от христианского идеала целомудренности. Фтабатэй не может принимать такую идею, так как он не верит в христианского бога. Японец считает, наоборот, идея Толстого есть обман, и что и любовь и брак – дела негрешные, а «нейтральные». Фтабатэй об этом не писал, но он добавил бы, что проституция – тоже негрешная. По сравнению, символично, что Толстой обсуждал в повести «Крейцерова соната», что надо убеждаться в том, что брак – грешность, а то дело доведет до «японской публичной системы проституции».

Нам, естественно, не хочется полностью соглашаться ни с Толстым ни с Фтабатэем. Тогда соглашаться на что? На то, что проституция грешная и поэтическая любовь и брак – моральные? Наше сравнение идей русского и японского писателей и сравнение японских дореформационной любовной идеологии и европейской (обще-принятой, т.е. не-толстовской) идеологии показывает, что и романтическая любовь и (буржуазный) брак и проституция – исторические, идеологические структуры, которые нельзя абсолютизировать.

Ограничим наш аргумент рассуждением о проституции.

Исторически и социологически говоря, проституция точно играл роль «движения», по термину Маркса в «Немецкой идеологии». Следовательно, несправедливо ее просто порочить или клеймить. Проститутки служили в качестве агентов связи. Если доверим истории Фтабатэя о том, что русские в Приморье и Сибири начали есть сушеные бонитов и вообще они познакомились с японской культурой, эти девушки действительно улучшали взаимно-понимание.

Конечно же, нужно думать о моральности. Но, ссылаясь еще раз на Марксе, можно сказать, что сам брак в буржуазных обществах – ничто иное, чем проституция. Убеждение о том, что брак – святой и проституция – грешная, возможно, такой же предрассудок, какой был у Толстого и у Фтабатэя. Наоборот, некоторые феминисты думают, что проституция – это исторический феномен, который может состояться только при концепции о том, что сексуальность представляет личность (т.е. секс можно продавать только тогда, когда он связан с личными ценностями и его нельзя легко отдать); без такого условия, проституция станет одним из простых видов профессии, как массаж.

Поэтому поводу, хотелось бы касаться современных феноменов. Настолько известно, японские проститутки не работают в России. Экономические отношения изменились, и теперь приезжают «русские девушки» из России, которые работают в так-называемых «европейских барах» в крупных городах в Японии. Правда, они не проститутки, а трактирщицы. Однако, довольно известно, что много из них готовы предлагать кое-какие сексуальные услуги за деньги. А очевидно, они, занимаясь

такими делами, и дают знать японцев много о русском быте, о русской культуре, о русском обществе. И хотя точной статистики нет, видимо, что в данном моменте международных браков между русскими трактирщицами и японцами очень много. Естественно, никто не против международного брака. А кто против международного брака, развивающего от демимондского отношения? А кто против любви, развивающей от такого отношения? Границы среди них – крайне расплывчатые и любая оценка будет носить идеологический характер.

Недавно бывший губернатор префектуры Осака, Тору Хасимото, натворил огромный скандал тем, что он предлагал, чтобы американские солдаты на Окинаве должны чаще посещать публичные дома, потому что их сексуальный стресс в военных базах составляет доминирующую причину их криминальных отношений к женщинам Окинавы. Естественно мы не поддерживаем военную проституцию. В то же время Хасимото правильно объявил, что проституция гораздо лучше, чем изнасилование. И еще нужно иметь в виду, что американская реакция к высказыванию губернатора была основана на пуританской аскетической вере, которая очень похожа на идею Толстого. (Известно, что при писании «Крейцеровой сонаты» русский писатель охотно переписывался с американскими шекерами и квакерами на тему целомудрия.) А в Японии движение против публичной проституции в 1880-х годах проводили ранние японские пуритане. И они настаивали и на романтической концепции любви и буржуазной системе брака.

Нам нужно освободить себя от морализма и иметь релятивистические отношения к ценностям и к историческим правдам. Только тогда будет известно, именно чем занимались японские проститутки в России и какие вклады они предлагали в русско-японские отношения.